

Недорисованный портрет

(О трагедии А. Глобы „Пушкин“. „Красная новь“ № 8, за 1936 г.)

Знаменитый критик Виссарион Белинский в своей пятой статье о великом поэте писал: „Пушкин был призван быть первым поэтом-художником Руси, дать ей поэзию как искусство, как художество, а не только как прекрасный язык чувства“.

„Он первый приучил русскую публику читать, — заявлял восемьдесят лет назад Н. А. Добролюбов, — и в этом его величайшая заслуга“.

В недавно опубликованных фрагментах о Пушкине А. М. Горького мы читаем: „Вкратце укажу на следующее преимущество Пушкина перед современными поэтами: он не оставил ни одной стороны жизни, не осветив ее своим талантом, круг его интересов, широта знаний до сей поры остается непревзойденный. Он дал образцы всех форм литературного творчества: драму, роман, поэму, сказку, сонет и т. д.“.

Вполне понятен тот страстный интерес трудящихся к творчеству создателя русского литературного языка, который наблюдается сейчас в СССР и среди пролетариев всего мира. Вполне объяснимо и то, что наши литераторы стремятся отразить жизнь и деятельность поэта в своих произведениях: стихах, поэмах, романах, повестях и пьесах.

Это естественное явление. Белинский справедливо писал: „Изучить поэта — значит не только ознакомиться, через усиленное и повторяемое чтение, с его произведениями, но и пережить, пережить их“. И сейчас, когда колоссально выросло стремление освоить, „пережить“ поэта, каждый вносит в это дело свою трудовую лепту по своим силам и возможностям. Профессор литературы жаждет детально разобраться в каждом образе, созданном Александром Сергеевичем, актер включает творчество Пушкина в свой репертуар и борется за глубокое осмысливание величественного пушкинского слога, писатель тяготеет к „пушкинским темам“, дает историко-беллетристические повествования о великом поэте.

В роли героя литературных произведений, в частности драматических, Пушкин выступал и до революции. Вызывалось это твердым намерением многих дореволюционных авторов исказить образ поэта в

целях монархической пропаганды. Чего стоила, например, пьеса некоего Сергея Мамонтова „Смерть Пушкина“, где умирающий поэт говорил:

„Душу мне жестоко мучит
Кошунственных стихов тяжелый грех...
Я зло посеял...
Молиться буду у господня алтаря
За праведный народ, за Русь родную
И за великого царя...“

Долго не везло Пушкину, как герою пьес и в наше время. Ни „Поэт и царь“ Н. Лернера, ни „Пушкин в селе Михайловском“ его же, ни в коей степени не могли удовлетворить растущие требования многомиллионного пушкинского читателя. Болезненно ревнивому мужу или безнадежно влюбленному приписывалась фамилия „Пушкин“ и этим исчерпывалась пушкинская тематика.

Можно себе представить, какой громадный интерес вызвало появление в 1936 г. новой трагедии „Пушкин“ поэта Андрея Глобы. Заинтересованность в этой пьесе, включение ее в репертуар ряда столичных и периферийных театров объясняется многими причинами. Пьеса вышла уже после постановления Совнаркома СССР о проведении пушкинского юбилея и создания пушкинского комитета, и это накладывало на нее особую ответственность, в стране вырос совершенно новый зритель и новый читатель, для которого каждое произведение о Пушкине соответствует его кругозору и интересам, трагедия написана стихами и, кроме того, новое драматическое повествование о великом русском поэте может быть благодарным материалом для актерского мастерства.

Мы оставляем в стороне сценические данные трагедии Глобы. Весьма возможно, что для театральных постановок имеется несколько иной вариант пьесы, ибо то, что представлено автором в журнале „Красная новь“ не всегда соответствует элементарным сценическим правилам (напр., многие реплики даны без указания действующих лиц, одна большая сцена происходит в карете и т. д.). В своей статье мы сделаем попытку рассмотреть произведение А. Глобы с точки зрения литературно-художественной и идеологической ценности.

„Пушкин“ А. Глобы — прежде всего литературное произведение. Оно не претендует на документальную последовательность, хотя и стремится не нарушать историческую правду.

Зато несколько претенциозен сам заголовок трагедии. Можно подумать, что не один какой-нибудь период жизни поэта, не какой-либо характерный эпизод занимает автора, а Пушкин в целом. Но такую задачу можно выполнить в условиях одной пьесы. Каждый период кратковременной жизни Пушкина насыщен таким многообразием, что А. Глоба, беря такой интересный этап, как последние полгода биографии поэта, мог бы вполне оправдать свой заголовок, если бы отразил действительное лицо поэта в этот период и точно воспроизвел всю

тогдашнюю обстановку в России. Вот это автору как раз не удалось. И напрасно С. Гёссен считает, что если А. Глобе не удалось раскрыть социальную трагедию А. С. Пушкина, то это „вина не автора, а избранной им темы“ („Лит. современник“, № 12 за 1936 г.). Во-первых, автор несет ответственность и за выбор темы, а, во-вторых, в данном случае тема взята, хотя и не новая, но чрезвычайно важная и своевременная. Повторяем, последние месяцы, даже дни и недели жизни Пушкина во многом подводят итог, многое объясняют и в значительной степени расшифровывают то, что за несколько лет до этого казалось загадочным: отношение к Николаю, к черни, к народу.

А. Глоба недостаточно учел всю величественность темы: смерть Пушкина.

Пушкин был убит 27 января (ст. стиля) 1837 г. пулей беглого французско-монархиста на дуэли. Но эта дуэль — отнюдь не единоборство великого русского гения с „великосветским шкодой“. Рукой Дантеса в Пушкина стреляла Россия Николая, Бенкендорфа, Уварова и Полевого. В свою очередь Пушкин; целясь в Дантеса, целился в страну жандармов и шпицрутенов. В отчете третьего отделения за 1837 год дана интересная характеристика Пушкину: „Он был великий поэт и великий либерал, ненавистник всякой власти. Осыпанный благодеяниями государя, он, однакоже, до самого конца жизни не изменился в правилах своих, а только в последние годы стал осторожнее в изъятии оных...“

А. Глобу нельзя обвинить в том, что организацию дуэли правительства с Пушкиным, он свел к семейной интриге. В отличие от прежних литературных трактовок этого вопроса он подчас даже чересчур подчеркивает участие правительства в устройстве дуэли.

Взять, например, эпизод: „Взаимное понимание“. Там происходит такой разговор.

„Николай.

Где встреча?

Бенкендорф.

Встрече быть

За Черной речкой. Ямщик и сани

Заказаны. Прикажете заранее

Послать жандармов, чтоб предупредить

Дуэль — иль пусть, как хочет провиденье

Решится дело?

Николай.

А какое мнение

Имеешь ты?

Бенкендорф.

(Угадывая мысли собеседника).

Стою... за провиденье.

Николай.

Да, разумеется, ему видней,
Как безобидней поделить их счастье
Но все же мы со стороны своей
Должны принять какое-то участие
В истории..."

Не говоря уже о чрезвычайно тяжелом стиле в изложении этого разговора, здесь явно нарушено чувство художественной меры: Николай выглядит чуть ли не техническим организатором дуэли. Эта сцена тем более является излишней, потому что немногим эпизодом раньше Николай говорит: „Гм!... Пушкин!... Да, с ним полон рот хлопот!

„Досель им не оплачен старый счет,
А в новые долги влез с головою!
Еще я помню двадцать пятый год —
И никогда не помирюсь с тобою
Друг заговорщиков!.. Да! Что дуэль?

Бенкендорф.

не раньше двух недель“.

Этого было бы достаточно. Дублировать эту сцену, да еще в преувеличенном виде не следовало бы. Гораздо важнее показать на ряде примеров, как Пушкин, настаивая на дуэли, выражал этим протест против режима. Вот это и является уязвимым местом произведения А. Глобы. Правда, Пушкин у него, в кругу Вяземского и Жуковского, декламирует:

„Жизнь беспокойна, неверна, случайна...
Поэт народный? Да народа нет!...
Брат, не один пройдет десяток лет,
Пока орда рабов народом станет
И рабство подлое в забвенье канет! —
Тогда и мы... Да вот лиха беда,
Что нас с тобой не будет уж тогда...“

И дальше там же:

„Нет, я покорно в клети не издохну,
Слюнявя цепь дырявою губой, —
Ого! Я этой цепью так, брат, грохну,
Что кое-кто простится с головой!...
Есть голова одна: по ней огреть бы,
Чтоб разлетелась, как орех пустой! —
Да жаль— под скорлупою золотой:
Не расшибешь!..“

Но здесь ощущаешь преувеличение роли Пушкина в его борьбе с самодержавием. Поэт выглядит здесь почти кандидатом в царевубийцы. Основным орудием оппозиционной борьбы Пушкина было художественное слово. В трагедии Глобы Пушкин подается в отрыве от творчества. А ведь 1836 год чрезвычайно важен для творческого лица поэта. Незадолго до 4 ноября, то есть до получения Пушкиным знаменитого анонимного пасквиля, Пушкин создал „Из пиндемонте“, „Была

пора, наш праздник молодой"... наконец „Капитанскую дочку“, которую Белинский называл „Онегин в прозе“. В тот же день, когда были созданы стихи на двадцатипятилетие лица и написано послесловие „Капитанской дочки“, Пушкин дал ответ на „философическое“ письмо Чаадаева. Именно 19 октября 1836 г. мы читаем: „Мы живем одним настоящим, в самых тесных его пределах, без прошедшего и будущего, среди мертвого застоя“.

Пасквиль 4 ноября — удар из-за угла по опасному врагу со стороны золотой молодежи, пошленький реванш за „Мою родословную“ за „На выздоровление Лукулла“, за Швабрина, за ответ Чаадаеву.

А. Глоба не-открыл политической сущности этого конфликта и именно потому, что не показал Пушкина-поэта. У Глобы пасквиль появляется сам по себе. Автор трагедии предполагает, что читатель или зритель заранее в курсе дела и в результате Пушкин-художник почти пропадает. И вместе с этим пропадает вся мощная фигура великого поэта, какие бы грозные речи по указке Глобы он не произносил. Нам могут возразить, что автор трагедии не в состоянии был охватить октябрь 1836 года и предшествующие месяцы, так как он брал, мол, лишь непосредственный канун 4 ноября и последующий ход развития события. Но ведь ухитрился же автор так сблизить события, чтобы в первом акте отобразить, как придворные прихвостни издеваются над камер-юнкерским мундиром поэта, а он получил таковой за два года до гнусной анонимки.

Отбросив с порога все то, что происходило с Пушкиным до 4 ноября, у Глобы нехватило изобразительных средств, чтобы показать как Пушкин настаивал на проведении дуэли. Ведь поэт через Бенкендорфа заявлял императору, что будет во что бы то ни стало добиваться поединка. 23 ноября Бенкендорф повез Пушкина к царю. Царь и поэт сошлись через 10 лет после первой встречи. Глоба идет против истории, когда в его пьесе Пушкин накануне своей гибели дважды встречается с Николаем. Один раз на маскараде, где поэт не узнает императора в маске и кричит на него: „Вы, прощальныга в маске, охотитесь на одиноких дам“, другой раз у памятника Петра, когда Пушкин намекает на связь Николая с Натальей Гончаровой-Пушкиной.

Это ненужный вымысел.

Почти без внимания, если не считать вышеприведенных замечаний о долгах, оставляет Глоба материальную сторону жизни Пушкина в последние месяцы. Известно, что 6 ноября Пушкин, вызвав на дуэль Дантеса, обратился к правительству с просьбой принять его именье в уплату долга казне. Он получил отказ. И это еще больше толкало его к дуэли. Эти факты — благодарный материал для художественной разработки.

Бледно дана сцена смерти поэта. Сейчас стало достоверным, что никакой активности для спасения жизни Пушкина проявлено не было, что зондирование раны только ускорило гибель поэта. Если бы его

совсем не лечили, то шансов выжить было бы вдвое. Это важнейшее разоблачение также не использовано автором трагедии. Мало отражено народное волнение в связи со смертью любимого поэта.

Что же остается положительного в трагедии „Пушкин“ Глобы?

Автору удалось дать сюжетное произведение. Сцена столкновения Пушкина с Дантесом и Геккереном, письмо к последнему, любовные интриги, женитьба Дантеса на Коко, сцена поединка — все это сделано с большим мастерством. В чтении, а очевидно и на сцене, перечисленные эпизоды весьма занимательны. Вообще сильной стороной трагедии является показ окружающей Пушкина среды. Читатель хорошо воспринимает и некоторые монологии поэта. Но в целом пьеса не дает ни полноценного образа Пушкина, ни отражения всей эпохи. Есть же отдельные зарисовки. Иные портреты выведены чересчур детально (Дантес, Геккерен, Бенкендорф, Полетика), другие более расплывчато (Натали, Николай, Булгарин, Жуковский).

Центральный же образ нуждается в решительной дорисовке. „Пушкин“ Глобы не может удовлетворить современного читателя и зрителя. Для людей, мало знакомых с Пушкиным образ его трактовки Глобы будет просто непонятен. Для читателя, хорошо знающего поэта, просто недостаточно глубоким и верным.

Александр Сергеевич Пушкин еще ждет своего драматурга.

А. С. ПУШКИН

1837--1937

*Сборник статей
и материалов*

САРАТОВСКОЕ ОБЛАСТНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
САРАТОВ 1937